

Миясат Шурпаева

Предания старины глубокой

«Эпоха»

2011

Шурпаева М.

Предания старины глубокой / М. Шурпаева — «Эпоха», 2011

В течение многих лет автор собирала притчи, легенды о судьбах реальных людей, порой крупных исторических деятелей, через очевидцев событий, их детей и внуков. Автор не всегда довольствуется услышанным, она опирается и на письменные источники, документы, архивные материалы. В книгу вошли исторические рассказы, в которых впервые повествуется о деятелях средневековой эпохи, о шамхалах, о шейхах и мусульманских алимах. Представлена жизнь Кази-Кумухских ханов и феодалов, где переплетены жестокость и милосердие, благородство и низость. Есть рассказы о шейхе Джамалутдине Кази-Кумухском и Баху-Бике Хунзахской, о Мусаясул Манижал из Чоха и о трагической любви Маллея Балхарского и Патимат Кумухской. Есть рассказы о горянках, о любви и влюбленных, о талантливых и стойких женщинах, о трагедии первой комсомолки из селения Акуша. В книге повествуется о людях, на долю которых выпала необычная судьба. Особый пласт составляют рассказы, в которых воссоздаются судьбы репрессированных: Х.Ларинова, Ш.Рашкуева, братьев Сеид-Гусейновых и Хабиба Эмербекова из селения Акты и др. Книга написана живым разговорным языком, где использованы народные изречения, пословицы, поговорки и приметы горского быта.

© Шурпаева М., 2011

© Эпоха, 2011

Содержание

Миясат Шурпаева и ее книга	5
Серажутдин – везир шаха Пехлеви	7
Боевые кресты полковника Сурхайханова	10
Шейх Джамалутдин Кази-Кумухский	14
Аслан-хан и Джамалутдин	16
Сон Джамалутдина	18
Шейх Магомед-Яраги	20
Чудеса Джамалутдина	23
Шейх Джамалутдин и Аслан-хан	25
Газават	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Миясат Нажмудтиновна Шурпаева

Предания старины глубокой

Посвящая светлой памяти отца своего Шурпаева Нажмуддина Гаджиатаевича и трагически погибшего племянника, журналиста, Ильяса Шурпаева.

Миясат Шурпаева и ее книга

Лакская поэтесса и писательница Миясат Нажмудтиновна Шурпаева, уроженка старинного и известного селения Кази-Кумух, начала литературную деятельность еще в школьные годы, первые стихи опубликовала будучи ученицей десятого класса. Когда она училась в Дагестанском государственном университете, нередко в альманахе “Душиву” (“Дружба”) и в журнале “Зунтгал хъами” (“Горянка”) появлялись ее стихи. Впоследствии она их издала отдельной книжкой. Но подлинное свое место в литературе она нашла, когда опубликовала книгу документально-художественных рассказов “Годекан отцов” (1980 г.) на лакском языке. Книга моментально исчезла с прилавков, получила довольно широкий отклик читателей и критики.

В своих рассказах Миясат Нажмудтиновна как бы ощутила твердую почву под ногами. Речь ее зазвучала уверенно, убедительно, она нашла свою тему, своего героя, тональность повествования. М. Шурпаева избрала весьма популярный на Востоке жанр устного рассказа, позволяющий свободно распоряжаться жизненным материалом, вступить в доверительные отношения с читателем.

Пожалуй, до Миясат Нажмудтиновны никто из литераторов Дагестана всерьез не обратил внимания на золотые россыпи народной памяти. Конечно, фольклор собирали у нас не только профессионалы, но и многие писатели. Более того, писатели нещадно эксплуатируют устное народное творчество, обрабатывая его и включая в свои произведения. В данном случае речь идет о другом – о судьбах людей, реальных лиц, порой весьма крупных исторических деятелей, о которых наши велеречивые и многословные писатели не писали, а если писали, то напускали такой романтический туман, что читатель ему не верил.

В рассказах М. Шурпаевой действуют не вымышленные, а реальные герои. Это главная особенность их. Шурпаева сумела найти такой ключ к раскрытию их судеб и внутреннего мира, что рассказы читаются с неослабевающим интересом. Автор очень часто доверяет повествование человеку, который был свидетелем тех или иных событий, либо был наслышан о них. Нередко она приводит беседы своей бабушки, мастера устного слова. Эта форма подачи материала нередко приводит к экспансии фольклорной поэтики. Как и в народной сказке, в рассказах Шурпаевой действуют исключительно красивые, благородные, умные и находчивые герои.

Следует отметить, что автор не всегда довольствуется услышанным, она опирается и на письменные источники, документы, архивные материалы, но от этого они не перестают быть устными рассказами, от которых нельзя требовать полноты материала и неременной достоверности во всех деталях. Устные рассказы могут быть и достоверными, и достаточно мифологизированными. Попробуй проверь рассказчика!

Не претендуя на истину в последней инстанции, М. Шурпаева повествует о людях, на долю которых выпала необычная судьба. В книге несколько пластов истории лакского народа. Один из ее пластов составляют исторические рассказы, в которых впервые повествуется о деятелях средневековой эпохи. К примеру, в одном из рассказов выступает легендарный Сурхай-хан I, о котором имеется обширная, но по ряду причин недоступная широкому читателю литература. Поэтому рассказ о нем в книге М.Шурпаевой вносит свою лепту в раскрытие

одной из ярких страниц нашего народа. То же самое можно сказать о рассказе о наставнике имама Шамиля Джамалутдине из Кумуха. О шейхе также написано немало. Так, в рукописи арабиста Гасанилау Гимринского “Ключи от утвердившегося газавата”, в которой дается биография первого имама Дагестана Гази-Магомед, приводятся те же факты ясновидения шейха Джамалуддина, что и в рассказе М. Шурпаевой. Если раньше мы подходили к рассказам о подобных чудесах с недоверием, рассматривая их как легенды, призванные укрепить авторитет веры, то в наш век экстрасенсов мы как-то иначе переосмысливаем их, с большим доверием относимся к ним.

По-новому предстает жизнь казикамухских феодалов в рассказах Шурпаевой. Мы привыкли к изображению их как эксплуататоров и насильников, и сознательно обходили другие стороны их жизни.

А в ней все переплетено: жестокость и милосердие, благородство и низость...

Трогательны рассказы о горянках, о любви и влюбленных, о талантливых и стойких лакских женщинах. Верность любви, твердость и благородство проявляют дочь шейхи Джамалутдина Шуанат, Уммукусюм Калияева, Балахалун, Саду Тутунова и другие. Сродни подвигу декабристок благородный поступок Патимат Рашкуевой и Муминат из Караши, последовавших за мужьями в Сибирь.

Особый пласт составляют рассказы, в которых воссозданы судьбы М.Чаринова, Ш. Рашкуева, А. Амирова, братьев Сеид-Гусейновых, репрессированных в 30-е годы. У читателя невольно сжимается сердце, когда он читает страницы о произволе и беззаконии тех трудных лет.

Книга написана живым разговорным языком (к сожалению, не всегда перевод адекватен оригиналу). В ней использованы не только народные изречения, но и приметы горского быта, этнографические детали. В результате рассказы превращаются в своего рода школу по изучению жизни и быта прошлых лет.

Не сомневаюсь в том, что читатель с большой пользой для себя прочтает рассказы Миясат Шурпаевой, узнает много нового о прошлом своего народа.

Сүлейман Ахмедов.

Доктор исторических наук, профессор.

Серажутдин – везир шаха Пехлеви

В 1947 году к Правительству СССР обратился шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви с просьбой найти близких родственников погибшего его везира Серажутдина Гаджи-заде из Дагестана, которые по завещанию являются наследниками части его состояния. Поиски привели в маленькое селение Муккур Лакского района. Из близких родственников погибшего везира тогда была жива только одна сестра Хадижат. Она и была признана наследницей миллионного состояния золотом, но была предупреждена органами СССР, что наследство будет выплачено ей постепенно и бумажными деньгами. Так Хадижат много лет подряд получала по тысяче рублей в месяц.

Серажутдин Гаджиев родился в 1890 году в селении Муккур Кази-кумухского округа. Как и все мужчины по линии отца, он стал ювелиром и работал в городе Баталпашинск (Черкесск), где его дядя Магомед имел свой дом и ювелирную мастерскую. Вместе со своим двоюродным братом Эфенди он окончил гимназию в этом же городе на русском и французском языках. В свое время сам Эфенди Магомедович рассказал мне о своем необычайно талантливым брате Серажутдине, который уже в 17 лет стал самым искусным мастером гравировки, умел изображать на драгоценных камнях ювелирных изделий портреты заказчиков.

Как-то Серажутдин увидел в продаже чертежи самолета братьев Райт из Америки и решил по этим чертежам сконструировать самолет. Работал он упорно и кропотливо несколько месяцев и в один из летних дней объявил всем горожанам, что он будет демонстрировать полет своего аэроплана. На окраину города Баталпашинска вышло много народу. Серажутдин поднял самолет в воздух, сделал в небе один круг и посадил его благополучно. Полет длился не более минуты, но вызвал много шума, и изумление в толпе. Люди стали молиться прямо на поляне. Православный священник Баталпашинска объявил Серажутдина еретиком, которого следует немедленно сжечь на костре. За ним погнались фанатики. Серажутдин чудом спасся, проникнув в дом друга своего дяди, казачьего атамана, и ночью тайком покинул город. Случилось это в 1908 году. Серажутдин приехал в Баку и стал работать в ювелирной мастерской братьев Рашкуевых. В наши дни у Бук-Магомеда Рашкуева хранится фотография, где девятнадцатилетний Серажутдин снялся с его отцом Г.М. Рашкуевым и ювелирами-земляками, работавшими в 1909 году в городе Баку. В 1910 году Серажутдин участвовал в выставке ювелирных изделий в Санкт-Петербурге и был награжден личным клеймом Фаберже. Покойный Дауд Кажлаев, будучи директором Дагестанского объединенного краеведческого музея, в 1970-х годах побывал в Эрмитаже и в списках ювелиров, награжденных личным клеймом Фаберже, обнаружил имя нашего земляка Серажутдина Гаджиева и опубликовал это в газете «Дагестанская правда».

Поработав несколько лет в Баку Серажутдин по приглашению своего брата Ванати уехал в Среднюю Азию, в Бухару, где он очень быстро завоевал популярность. Здесь Серажутдин сконструировал мотоциклет, который он в свое время увидел в Санкт-Петербурге, гнал его по всему городу, вызывая ужас и оцепенение у прохожих. Горожане пожаловались бухарскому эмиру Алиму и тот конфисковал у Серажутдина мотоциклет, а самого юношу несколько дней держал в своей крепости. Эмир Алим понял, что он имеет дело не с простым нарушителем и дал задание своим придворным разузнать, кто он такой и собрать все сведения о нем. Когда же эмир узнал, что его пленник умен и образован, к тому же искусный ювелир, он приблизил его к себе. Когда в России произошла февральская революция, двоюродные братья Серажутдина, Эфенди и Сайпуллах, а также друзья-ювелиры, Курбанмагомед из Унчукатля и Курбанисмаил Унчиев из Кумуха, из Баталпашинска перебрались в Бухару. К тому времени эмир бухарский и Серажутдин стали большими друзьями. Как-то пришли к Серажутдину знакомые молодые люди и заказали ему пару винтовок за хорошую цену для охоты, попросили держать заказ в тайне. Серажутдин выполнил просьбу. Через некоторое время заказы стали нарастать.

Ветер революции дошел и до Бухары, эмир, бухарский не на шутку забеспокоился. Однажды, играя в шахматы с Серажутдином, эмир высказал свое возмущение по поводу того, что какой-то негодяй делает оружие для бунтовщиков и попросил Серажутдина выследить этого предателя, которого он намерен повесить на площади перед всем народом. Серажутдин понял, кто и для чего заказывал ему винтовки, и прекратил выполнять эти заказы.

Однажды утром жители Бухары обнаружили разбросанные по всему городу листовки. Текст был написан на русском языке, и никто его не мог прочесть. Кто-то из дагестанцев стал читать и переводить текст. Его попросили подняться на крышу и прочесть во всеуслышание, что тот и сделал. Через некоторое время всадники бухарского эмира стали громить дома и мастерские дагестанцев, а тех, кто попадал под руку, насмерть избивали. Всем дагестанцам пришлось бросить свои дома и мастерские и бежать, спасая себя. Серажутдин с братьями тоже убежали. Когда они добрались до Афганистана, братья Серажутдина и все дагестанцы решили через Азербайджан вернуться в Дагестан. Но Серажутдин не захотел вернуться домой с пустыми руками и остался там же на заработках. В поисках работы Серажутдин попал в Тегеран, где предложил свои услуги хозяину одной ювелирной лавки. Тот сначала предложил ему показать свои способности, дал золото и камни и посадил в своей мастерской. Когда же Серажутдин за сутки превратил металл в изумительный браслет, хозяин его посадил в отдельную комнату за работу и запер. Так хозяин его не выпускал несколько месяцев, а его работы продавал по баснословным ценам. Серажутдин не знал, как ему выбраться из этого плена, и он решил на своих изделиях ставить свое клеймо и гравировать на драгоценных камнях портреты. Он был уверен, что его друзья-ювелиры найдут его по изделиям. Хозяин же попросил его сделать мужской перстень с портретом шаха Реза Пехлеви, надеясь на этом заработать большие деньги.

Серажутдин с большим старанием выполнил этот заказ. Хозяин понес перстень во дворец и предложил шахским визирам купить его для своего правителя. Как раз в это время шах хотел сделать себе золотую корону, дал заказ своим ювелирам, а те по разным эскизам каждый отдельно выполнили заказ шаха. Один из пожилых визиров понес шаху перстень с изображением его портрета и сказал: “Тот, кто владеет этим талантом, не изведает смерти. Вот кто сможет сделать тебе корону, которой будет восхищаться весь мир!”

Шах велел привести к нему ювелира и спросил его, чья это работа. “Моя”, – ответил ювелир.

– Тогда садись в мою мастерскую, тебе дадут все необходимое и сделай еще один такой же перстень, – предложил шах.

Ювелиру ничего не оставалось, как признаться, что у него прячется беглый дагестанец, который не хочет, чтобы его обнаружили, он и сделал этот перстень. Шахские нукеры вызволи из заточения Серажутдина.

Шах Реза Пехлеви ему тоже предложил повторить свою работу, что Серажутдин сделал с большим удовольствием. После этого шах велел казначею выдать Серажутдину столько золота и драгоценных камней, сколько он запросит, и посадить за работу в придворной мастерской. Через месяц небольшим заказ шаха был выполнен. Была изготовлена такая корона, которая по красоте и изяществу превосходила все короны, доселе существующие в мире. Сами придворные ювелиры не могли распознать тайну тончайшей филиграни и искуснейшей гравировки, так удачно сочетающихся с блеском драгоценных камней. Любоваться короной шаха Реза Пехлеви заходили все гости иранского шаха.

В 1980-х годах внучатая племянница Серажутдина, Алиева Салихат, проживающая в Баку, увидела, как по азербайджанскому телевидению показывали и рассказывали об уникальной короне иранского шаха работы Серажутдина Гаджи-заде. После этого она ездила в Тегеран и разузнала подробности жизни, деятельности и гибели знаменитого деда.

Академик историк-востоковед из Санкт-Петербурга М.Дандамаев тоже пишет, что он, будучи в Иране, побывал в государственной сокровищнице и видел там эту корону. Со вре-

менем шах Реза Пехлеви убедился в том, что его придворный ювелир лучше всех инженеров разбирается в технике, в строительстве, что он умен и образован, свободно решает любые финансовые вопросы, и приблизил его к себе – назначил своим казначеем, затем министром департамента финансов. Серажутдин подружился в Тегеране со всеми выходцами из Дагестана, особенно сблизился с ювелиром из Кумуха Абдулмеджидом, по соседству с которым купил себе дом, сделал предложение одной из его дочерей по имени Басират. Ей было 16 лет, а ему уже за 40, из-за большой разницы в возрасте Абдулмеджид не решился выдать дочь за него. Впоследствии жена Абдулмеджида Гульзар с дочерью тайно пересекли границу вернулись на Родину, где их арестовали. После освобождения Басират вышла замуж в Кумухе, где проживают в наши дни ее дети.

Родственники же иранского шаха были обижены тем, что шах приблизил к себе чужеземца и невзлюбили Серажутдина. Они не раз покушались на его жизнь. Однажды бросили бомбу в его машину. Серажутдин с тяжелыми ранениями чудом остался жив. Тогда он решил вернуться на Родину и стал ходатайствовать перед правительством СССР о разрешении ему вернуться. Но был удивлен, узнав, что он в органах СССР числится белогвардейцем, и его здесь ждет суровое наказание.

После этого Реза Пехлеви отправил Серажутдина послом Ирана в Индию, где он и женился на француженке по имени Лаура.

В 1941 году шахом Ирана стал сын Реза Пехлеви, Мохаммед Реза Пехлеви, который по-сыновьи почитал Серажутдина и восторгался им. Он и вернул его ко двору в должности своего первого визира. Серажутдин с женой стали жить в своем старом особняке с многочисленной прислугой и охраной. Родственники Абдулмеджида, вернувшиеся из Ирана в Дагестан, рассказывали о богатом убранстве дома Серажутдина, в этом доме все дверные и оконные ручки были изготовлены из чистого золота.

Серажутдин владел многими языками: персидским, русским, французским, английским, индийским, вел государственные переговоры.

В 1947 году нанятые недругами бандиты проникли в дом Серажутдина и зарезали его ножами. Шах Ирана Мохаммед Реза Пехлеви был – очень расстроен и похоронил его с большими почестями. После его смерти и обнаружили завещание, оформленное Серажутдином еще после первого покушения на себя, где он просил часть наследства доставить его близким, родным в Дагестан. Детей своих Серажутдин не имел.

Боевые кресты полковника Сурхайханова

В 1904 году, когда началась русско-японская война, Шейх-Ахмед-бек в числе других состоятельных, уважаемых людей Дагестана был приглашен в Темир-Хан-Шуру к генерал-губернатору Дагестана, где всем им было предложено добровольно выйти на защиту царя и Отечества. Каждому выделялась необходимая сумма денег, чтобы собрать для себя отряд добровольцев. Отозвались только Шейх-Ахмед-бек Сурхайханов и один майор жандармерии из Хунзаха, остальные не высказали такого желания. Собрав в течение недели отряд в сотню всадников, Шейх-Ахмед-бек прибыл в Темир-Хан-Шуру и оттуда поездом отправился на Дальний Восток. В 1906 году он вернулся полным кавалером всех трех степеней Георгиевского креста, в чине подполковника и в том же году был приглашен императором Николаем II в С-Петербург на аудиенцию.

Шейх-Ахмед-бек был внуком Кюринского хана Юсуф-бека, двоюродного брата Агалар-хана, корни которых исходят от Чолак-Сурхай-хана, через его сына Магомед-хана.

В 1840 году император Николай I издал Высочайший указ об утверждении Юсуф-бека ханом Кюринским, наградив при этом его чином подполковника свиты Его Величества. Церемония вручения проходила при большом стечении народа и с особыми почестями. Через шесть лет, в 1846 году, император решил назначить ханом Кюринским брата Юсуф-хана, Гарун-бека, который служил тогда в императорской свите. Но через два года Гарун-хан скончался, и на престол вернули Юсуф-хана, на этот раз наградив его чином полковника свиты Его Величества.

В 1859 году скончался хан Кази-Кумухского округа Агалар. Ханство было упразднено, и управление округом возложено на начальника русского гарнизона в Кази-Кумухе. Юсуф-хан Кюринский насторожился – не постигнет ли и его самого такая же участь? Но 12 октября того же года был получен Высочайший указ о произведении Юсуф-хана в генерал-майоры свиты Его Величества и утверждении ханом Кюринского округа. Юсуф-хан управлял Кюрой до самой своей смерти в 1864 году. Хотя у хана было восемь сыновей-наследников, ханство было упразднено, и образован особый округ Кюринский под начальством русского офицера.

Шейх-Ахмед-бек был внуком Юсуф-хана, через его сына Омар-бека и жил вместе с родителями в своем фамильном доме в Кази-Кумухе. В детстве он слыл отчаянным драчуном. Родители всех ребят, с кем он обучался в медресе, жаловались Омар-беку на сына-забияку, и отцу пришлось после окончания медресе отправить сына в подмастерье с кумухскими ювелирами в Россию. Обучившись ремеслу и русскому языку, Шейх-Ахмед-бек вернулся в Кумух возмужавшим юношей, но дальше заниматься ювелирным делом наотрез отказался. Он сдружился с русскими офицерами гарнизона, расположенного в крепости в Кумухе, участвовал в состязаниях, учениях и намеревался служить в этом гарнизоне. Однако его старшие женатые братья, Якуб-бек и Казим-бек, забрали его в Баку, где они имели свои дома и ювелирные мастерские. Шейх-Ахмед-бек стал ездить по зарубежным странам, сбывая ювелирные изделия, отец женил его на двоюродной сестре, Габибат-бике. Тогда ханы и беки не имели право брать себе жену по любви. Первая жена обязательно должна была быть из своего сословия. Замечу, они имели по несколько жен. Оставив молодую жену в Кумухе, как и братья, снова уехал в Баку, но время от времени приезжали в Кумух, ибо у них семьи были в Кумухе, и у каждого были свои земли, пастбища, отары овец. Шейх-Ахмед-бек любил лошадей и хорошо разбирался в них. В местности Гурда-кала, в окрестностях Кумуха, он построил большую конюшню и стал закупать породистых скакунов. В семье у него росли две дочери и один сын.

Однажды Шейх-Ахмед-бек собрался в гости в селение Чаравали к своему кунаку Газали, который разводил овец и лошадей особой породы. Газали организовал хороший прием, собрал музыкантов и певцов на торжество. Вдруг Шейх-Ахмед-бек увидел на пороге комнаты девочку изумительной красоты лет тринадцати.

– Кто та девочка? – спросил он у сына кунака, Магомеда, сидевшего с ним рядом.

– Моя младшая сестра, – сказал Магомед.

– Так пригласи ее, пусть зайдет к нам, – сказал бек.

– Нину, заходи, заходи! – окликнул ее брат, но та, заметив гостя, глазевшего на нее, убежала. Когда он собрался домой, стал просить Магомеда прислать свою сестру в Кумух на обучение и воспитание с бекскими девочками. Магомед призадумался, пошел поговорить с матерью, но та наотрез отказала.

Вернувшись, Шейх-Ахмед-бек ходил сам не свой. Через несколько дней Габибат-бике спросила мужа, что с ним стряслось. Он признался жене и молча тяжелыми шагами стал ходить по комнате.

– Не переживай, мой Лев (так она называла мужа), не бывает такого замка, к которому невозможно было бы подобрать ключ. Поедем вместе в Чаравали! – сказала жена. Габибат – бике открыла свой сундук, выбрала ценные подарки и вместе с мужем отправилась в Чаравали. На этот раз им улыбнулась удача. Девочку Нину отпустили на учебу в Кумух. Габибат-бике обещала кунакам, что у девочки не будет других обязанностей, кроме учебы, у нее будут свои служанки, прачки и повара. Девочку одели, как свою, определили вместе с ними на учебу, на рукоделие, стали обучать хорошим манерам.

Мать Шейх-Ахмед-бека, Ажа-бике, не переставала восхищаться девочкой, ее умом и покладистым характером и все повторяла: “Я эту девочку никому не отдам, непременно возьму за своего сына!”.

А Нину думала: “Если у нее есть неженатый сын, так почему же он никогда не приезжает домой?”.

Однажды Нину услышала, как старшие снохи Ажа-Бике разговаривали между собой: “Шейх-Ахмед-бек без памяти влюблен в юную красавицу, теперь и свекровь наша влюбилась в нее, быть ей нашей невесткой!”.

Эта новость поразила девочку. Дождавшись базарного дня, когда ее односельчане приезжали в Кумух, Нину убежала с ними домой. В доме Сурхайхановых все всполошились, но получилось так, что в тот день мужчин дома не было. Пришлось Ажа-бике и Габибат-бике поехать за девочкой в Чаравали. Уговорами и обещаниями беглянка была возвращена. Когда Нину исполнилось пятнадцать лет, она хорошо владела арабским и турецким языками, читала и переводила Коран, лучше всех вышивала золотыми нитками по шелку и бархату, была украшением всех торжеств в доме Сурхайхановых.

Через год состоялось сватовство. Сыграли пышную свадьбу, и Нину стала второй женой Шейх-Ахмед-бека. Прошло десять лет, Нину растила четырех сыновей-красавцев. В Кумухе поднялся бунт. Хоть Шейх-Ахмед-бек и был в большой дружбе с начальником и офицерами русского гарнизона, ему пришлось встать на сторону бунтовщиков, ибо все руководители бунта были его родственники, ханы и беки. А его старших братьев тогда не было в Кумухе. Когда бунтовщики убивали не только офицеров царского гарнизона, но и их жен и детей, Шейх-Ахмед-бек кричал на них, приказывал оставить их в покое. Но бунтовщики не слушались. Когда начальника крепости Чембера арестовали, Шейх-Ахмед-бек поскакал к его дому и тайком забрал его жену и малолетнюю дочь, спрятав их под буркой за своим седлом. Привез их к себе домой. А ночью таким же образом отвез их в Согратль к своим друзьям. После подавления бунта генерал Меликов организовал суд над бунтовщиками. Всех ханов и беков как главарей велено было казнить, а остальных сослать на пожизненную каторгу. Приехали из Баку Якуб-бек и Казим-бек, чтобы спасти своего брата, но никто их не слушал. Шейх-Ахмед-бека вместе с другими повезли в Согратль на казнь. Когда подошла очередь Шейх-Ахмед-бека, подвели его к виселице, накинули петлю и велели высказать свое последнее пожелание. Таков был закон.

– Свое последнее пожелание я могу сказать только жене начальника Чембера, Наталье, передайте ей об этом, – сказал бек. Когда Наталье передали слова бека Сурхайханова, она

выглянула с балкона на площадь и тут же босиком побежала к виселице, припала к ногам Шейх-Ахмед-бека:

– Это же наш спаситель! Ни меня, ни дочери не было бы в живых, если бы не он! Этот человек спас нас. Богом прошу, жальтесь над ним! – причитала она. Шейх-Ахмед-бека освободили и разрешили идти домой. Прошло еще несколько лет. Начальство в Кумухе сменилось, Наталья с дочкой уже давно уехала в Петербург, а новому начальнику стали доносить, что Шейх-Ахмед-бек был приговорен к повешению, однако же его не только не повесили и не сослали, а отпустили на волю. Его стали снова судить как одного из главарей бунта и сослали в Сибирь на пять лет. С ним поехала Нину с сыновьями. Когда в Кумухе получили от Шейх-Ахмед-бека письмо из Екатеринбурга, все родные стали упрекать его старшую жену Габибат-бику за то, что не она поехала с мужем, ведь он ей не только муж, но и двоюродный брат. Через год, в августе, взяв с собой восемнадцатилетнего сына Исмаила, Габибат-бике тоже отправилась в Сибирь. В сентябре в Екатеринбурге их застали морозы. Надо было ехать еще дня два в глубь губернии, где было поселение каторжан. Габибат-бике по дороге простудилась и по приезде умерла. Многие каторжане не выдерживали сибирских морозов и погибали. Нину сумела спасти своих детей и мужа, помогала и другим ссыльным. Там у супругов родилась дочь Айшат. Дочь Айшат, Нафисат Сурхайханова, в наши дни проживает в Кумухе. В 1882 году по указу нового императора Александра III все каторжане были освобождены. Приехал домой с семьей и Шейх-Ахмед-бек. Он был рад, что в его отсутствие братья сберегли его хозяйство, а в конюшне прибавилось новых скакунов!

Сыновей своих Шейх-Ахмед-бек послал в Баку заниматься магазинами, а сам остался в Кумухе управлять хозяйством. Он стал в округе самым почитаемым и самым влиятельным человеком, с его мнением считался не только народ, но и русское начальство крепости.

В начале 1904 года к генерал-губернатору Дагестана в Темир-Хан-Шуру пригласили всех влиятельных и состоятельных людей со всего Дагестана. От Кази-Кумухского округа был приглашен Шейх-Ахмед-бек. Губернатор сообщил собравшимся, что началась война: Япония вероломно напала на Россию, и необходимо выйти на защиту царя и Отечества, создать добровольческие отряды. Все молчали. Тогда Шейх-Ахмед-бек встал и объявил, что он готов собрать отряд, обмундировать их и выехать на фронт. Губернатор пожал ему руку и обещал всем добровольцам денежное вознаграждение в тысячу рублей. Это были большие деньги, тогда хороший бык стоил три рубля. Вызвался еще один майор милиции из Хунзаха, и больше никто. Через неделю Сурхайханов со своей конницей прибыл в Темир-Хан-Шуру и оттуда на поезде уехал на Дальний Восток. Когда они доехали до Порт-Артура, там уже шли ожесточенные сражения, дагестанцы показывали чудеса храбрости. Шейх-Ахмед-бек командовал отрядом дагестанцев в 200 всадников. За проявленную храбрость в боях возле Порт-Артура Сурхайханов был награжден Георгиевским крестом III степени. В начале 1905 года отряд Сурхайханова участвовал в жестоком сражении под Мукденом. Перед его конницей бывали бессильны во много раз превосходящие по численности противники. Командование ставило в пример Сурхайханова и его отряд, да и сам Шейх-Ахмед-хан ругал отступающих. В этом бою он получил тяжелые ранения и был доставлен в госпиталь. В госпитале ему вручили Георгиевский крест II степени за проявленные мужество и храбрость. После выздоровления он снова возглавил свой отряд и в самом конце войны, осенью 1905 года он вновь попал в госпиталь с тяжелым ранением. Там он узнал о Порт-Артурском мирном договоре и о том, что его наградили Георгиевским крестом I степени и возвели в чин подполковника. Награда его не обрадовала. Он считал мирный договор позорным. С таким настроением возвращался он домой после госпиталя.

Генерал-губернатор Дагестана был оповещен о подвигах Шейх-Ахмед-бека Сурхайханова и его бойцов. Приказано было встретить их с подобающими почестями в Темир-Хан-Шуре. Губернатор сообщил также в Кумух, чтобы героев войны встретили торжественно с

музыкой. Их встречали в Дженгутае, Левашах, Цудахаре. А в Кумухе состоялись большие торжества.

После этого Шейх-Ахмед-бек отправил благодарственное письмо императору за оказанную честь и внимание, где написал, что хотел бы увидеть своими глазами человека, который управляет такой огромной по своим масштабам империей. В ответном письме император пригласил Сурхайханова в С.-Петербург. Летом 1906 года Шейх-Ахмед-бек с сыном Дауд-беком поехал в Петербург. Император организовал обед в его честь, наградил его чином полковника свиты Его Величества и царской грамотой, дающей ему право беспоплиного пользования всеми земельными угодьями, его детям обучаться в российских учебных заведениях за счет царской казны.

Все эти награды свято берегли в семье Сурхайхановых, но в 1930-х годах, когда их стали ссылать, как кулаков, все было уничтожено. Чудом уцелели Георгиевские кресты Шейх-Ахмед-бека. Он скончался в 1914 году, до начала Первой мировой войны.

Шейх Джамалутдин Кази-Кумухский

Много легенд и преданий живет в народе о шейхе Джамалутдине, устазе (учителе) имама Шамиля. Он был истинным идеологическим вождем мусульман Северного Кавказа середины 19 столетия.

В разное время и от разных людей слышала я эти легенды, записывала их, перечитала массу материалов о той поре. Решила изложить их в хронологической последовательности.

Зимой 1920 года под натиском многочисленной банды Гоцинского Кази-Кумухские большевики отступали разными дорогами.

Одна группа из шести-семи человек в маленьком автобусе Чанху Хутинского, который первый раз приехал в Кумух, направилась в сторону Темир-Хан-Шуры. При подъезде к Хаджалмахи попали в окружение. Трезво оценив обстановку, они решили столкнуть автобус в ущелье, чтобы не достался врагам, и скрыться. Уйти не удалось. Они попали в руки гоцинцев. В этой группе были известные тогда революционеры: Абдурахман Габиев, Вали и Шарафутдин Рашкуевы, Амужад Сеид-Гусейнов и его отец Гази, Омар Чутуев и невеста Гаруна Саидова Хадижат Сеид-Гусейнова. В народе ее называли Ачуна.

Гоцинцы торжествовали – в их руках ядро кази-кумухских большевиков! И единственное, что тут же хотелось сделать гоцинцам, расстрелять их всех. Но... не имели права, без разрешения местного исламского лидера. Пошли за разрешением к шейху. Тот подробно расспросил о большевиках: кого и как зовут, из какого тухума каждый из арестованных. А когда услышал, что среди них есть и молодая девушка, очень удивился и стал спрашивать о ней. Девушка очень молодая и красивая, ответили шейху, но кто она – узнать не удалось. Шейх велел привести девушку к нему.

В открытые двери девушка увидела сидящего во внутренней комнате на тахте белобородого шейха с четками в руках. Переступая порог его комнаты, Хадижат произнесла традиционное изречение: “Бисмиллахи, Рахмани Рахим!”, поклонилась ему согласно мусульманскому обряду встречи с шейхом. Удивился шейх, ибо по его мнению все большевики были безбожники.

– Откуда ты и почему оказалась вместе с большевиками? – спросил шейх по-лакски, чем тоже немало удивил Хадижат.

– Я из Кумуха, внучка шейха Джамалутдина.

От неожиданности шейх словно застыл с широко раскрытыми глазами. Очнувшись, мягко, по-отечески, сказал:

– Пусть озарит всемогущий Аллах имя шейха Джамалутдина, аммин! У шейха было шестеро сыновей и две дочери, чья же ты?

– Я дочь Магомед-Эфенди.

Тут шейх протянул к девушке руки, попытался приподняться. Хадижат подошла к нему, и шейх взял ее за плечи и поцеловал в лоб.

– Дочь моя, где же сейчас твой отец, в Кумухе или в Темир-Хан-Шуре?

– Отец в Шуре, вся наша семья там. Я еду к ним.

– Но зачем же, дочь моя, ты вышла в дорогу с этими гяурами? Тебя же могли убить!

– Они не гяуры, отец мой, они все мои родственники, и тоже едут к нам в Шуру, – сказала Хадижат и стала рассказывать о каждом попутчике, о степени их родства. Помрачнел шейх, выслушав ее, затем подозвал стоявших в передней мужчин, велел освободить девушку и отвести в его дом, а мужчин пока держать под стражей, но не убивать.

– Одна я никуда не пойду, – сказала Хадижат.

– Я тебя одну и не пошлю! Сейчас ты пойдешь к моей жене, она тебя накормит и обогреет, а утром с кем-нибудь отправлю тебя к отцу, – сказал шейх.

– Без родственников я никуда не пойду... Отец мой, если вы считаете, что они в чем-то виноваты, то и я виновата столько же, сколько и они. Как я гляну в лицо отцу своему и родным, если оставив их здесь, как предательница, явлюсь домой одна? Посадите и меня вместе с ними!

Шейх задумался. Потом, поговорив, посоветовавшись со своими людьми, велел освободить всех. С шейхом спорить не принято и все стоявшие вокруг молча посмотрели на шейха, не торопясь выполнить это распоряжение. Тогда шейх сказал:

– С тех пор, как Аллах создал на земле человека, жизнь людей проходит в постоянных войнах и распрях. Одни выигрывают, другие проигрывают... И кроме Аллаха всемогущего никто не знает, кто прав, победитель или побежденный. И во имя Аллаха я прошу вас отпустить всех пленных с миром. Пусть идут своей дорогой.

Опустили головы мужчины, взяли с собой Хадижат и пошли выполнять волю шейха. Никто из них не осмелился возразить ему.

Так популярно и почетно было в то время среди мусульман Дагестана и всего Кавказа имя шейха Джамалутдина Кази-Кумухского.

Год рождения шейха Джамалутдина точно не установлен, но безошибочно можно сказать, что он родился в самом конце семнадцатого столетия в Кази-Кумухе, в тухуме Сеид-Гусейновых. Генеалогические корни этого тухума идут от правнука пророка Мухаммеда по дочери его Патимат. Вместе с Абу-Муслимом, прибывшим в восьмом веке в Дагестан, чтобы огнем и мечом установить ислам, был и правнук пророка Мухаммеда Сейд-Гусейн, который впоследствии и обосновался в Кумухе. Это подтверждал в свое время и известный ученый Замир-Али:

У Макабуты Сеид-Гусейнова было двое сыновей: старший – Курбан-Магомед и младший – Джамалутдин. Отец заметил незаурядные способности младшего и рано отдал его в учение к местным кадиям. После учебы в Кумухе мальчика отправили к другим арабистам. Учился он не только в Дагестане, но и в Астрахани, и в Турции.

Вернувшийся в Кумух шестнадцатилетний Джамалутдин был широко образованным, владел почти всеми дагестанскими языками, он знал еще арабский, турецкий и русский. Среди своих сверстников юноша выделялся умом и образованностью, владел ораторским искусством, он к тому же обладал прекрасным голосом. Был обходительным и обаятельным. Когда Джамалутдин напевно читал Коран, люди зачарованно слушали его. (До сих пор среди старожиллов Кумуха передается друг от друга стиль чтения Корана шейха Джамалутдина).

Приглянулся юноша тогдашнему правителю Кази-Кумухского ханства Аслан-хану, и пригласил он Джамалутдина работать делопроизводителем. Мечтавший об учебе в Каирском университете Аль-Азхар, Джамалутдин огорчился, не обрадовало предложение хана и его отца – Макабуту: не советовал он сыну служить при дворе, чтобы не стал невольным участником ханских злодеяний и разгулов, не впал в грех. Но Аслан-хан настаивал и, чтобы не нажить неприятностей себе и семье, Джамалутдин согласился поработать у хана.

Аслан-хан и Джамалутдин

Аслан-хан правил тогда обширным ханством, в которое, кроме Кази-Кумухского, входили Кюринский округ и некоторые аварские и кумыкские местности.

Приняв подданство русского царя, Аслан-хан получил чин полковника, был обласкан им. Любопытно письмо царского наместника в Тифлисе генерал-лейтенанта Ртищева к генералу Хатунцеву.

Господину генерал-майору и кавалеру Хатунцеву. Препровождая при сем к Вашему превосходительству Высочайше утвержденную грамоту, Всемилоостивейши пожалованную кюринскому владельцу Аслан-хану, и знаки инвеституры, состоящие в знамени с гербом российской империи и сабли, я поручаю вам немедленно сие к нему доставить, вместе с письмом моим, при сем прилагаемым. Высочайше утвержденная грамота, знамя с гербом Российской империи и сабля должны быть поднесены хану торжественно, со всеми приличествующими почестями, следующим образом: Начальник гарнизона Кюринской крепости, коль скоро они к нему доставлены будут, должен тотчас уведомить Аслан-хана о присылке сих знаков Высочайшего к нему благоволения Его Императорского Величества и просить его, чтобы он назначил день, в который грамота иметь быть поднесена ему торжественно. Между тем хан должен собрать к себе сколько может почтеннейших кюринских старшин и в назначенный день с ними явиться в избранное им самим публичное место, при собрании народа. Тогда начальник гарнизона при своей квартире устроив воинскую команду из ста человек рядовых с нужным числом офицеров, сам на богатой подушке, которую нарочно при сем посылаю, вынесет из своей квартиры Высочайшую грамоту, а за ним два обер-офицера должны нести – один знамя с гербом империи, распущенное, а другой саблю, лежащую в открытом футляре. При появлении его воинская команда должна тотчас отдать следующую честь при барабанном бое и с музыкой, будя она там есть, а потом следовать с народом также при барабанном бое за Высочайшею Грамотою до публичного места, где хан с чиновниками своими и народом будет находиться. При приближении же к хану воинская команда станет во фронт. В то же время начальник гарнизона, поднеся ему Высочайшую грамоту, скажет приличное приветствие и вручит оную хану, который приняв оную, в знак почтения своего должны поцеловать и потом отдать первому чиновнику: за сим знамя и сабля таким же образом должны быть поднесены, приняты ханом и вручены его чиновникам. Между тем, как сие будет происходить, воинская команда сделает на караул и барабанный бой должен продолжаться при трех в крепости выстрелах пушечных. После сего ханские уже чиновники с публичного места понесут грамоту, знамя и саблю в дом хана, который с русскими офицерами и своими чиновниками должен идти за ними, в провождении всего собрания и воинской команды с прежнею церемонией. В доме же своем хан, приняв от чиновников сии знаки Монаршей милости, положит оныя на приготовленных нарочно для сего местах. После чего воинская команда возвратится на место.

Церемония сия я полагаю нужным для того, чтобы сие произвело впечатление в народе, который сам увидит особенную милость Государя Императора к их хану и торжественное утверждение его владетелем над ними.

В Кумух был прислан гарнизон царских войск, который постоянно находился в крепости. Аслан-хан вел деловую переписку с царским правительством и потому ему крайне был необходим грамотный и владеющий русским языком Джамалутдин. Хан был наслышан о тонком уме и грамотности Джамалутдина, а также о его даре предсказателя, в чем хан сомневался. Он предполагал, что Джамалутдин, имея обширные знания, может ввести в заблуждение менее грамотных людей.

Когда Джамалутдин, работая у хана, стал предсказывать довольно точно исход того или иного дела, отношение к нему изменилось, хан стал даже советоваться с ним.

Рассказывают, как Джамалутдин предсказал хану рождение сына. Это было так. Аслан-хан велел позвать к себе Джамалутдина, который занимался своими делами на нижнем этаже дома. Джамалутдин поднялся на второй этаж и проходя по коридору к ханскому покою, встретился с ханшей Умукусюм. Аслан-хан услышал, как Джамалутдин в коридоре обратился к кому-то с приветствием: “Салам алейкум!”, причем, было произнесено это приветствие как-то нерешительно и негромко. Хан посмотрел в коридор и никого из мужчин там не увидел, только жена его прошла, но так приветствовать женщин не принято по мусульманскому обычаю, так приветствуют только мужчину.

– Что это ты, Джамалутдин, хочешь ввести новый мусульманский обычай, говорить “салам алейкум” женщинам? – удивился хан.

– Нет, мой высокий хан, я отдавал салам не твоей жене, а сыну твоему, что скоро появится на свет, – ответил Джамалутдин.

– Что ты говоришь?! Кому ты еще сказал об этом? – спросил пораженный хан и велел Джамалутдину плотно прикрыть дверь комнаты.

– Нет. Я только ответил на твой вопрос.

– Тогда, пожалуйста, никому не говори! Мало ли у меня недругов! Если же то, что ты сказал, свершится, я щедро одарю тебя, – пообещал хан.

У Аслан-хана тогда не было сына, а только дочери, и сын был его сокровенным желанием, как у всякого хана. Прошло несколько месяцев и у Аслан-хана родился сын, прозванный Нуцалом. Хан сдержал своё слово – подарил Джамалутдину три селения в Кюринском округе.

Сон Джамалутдина

В те времена сыновей женили рано, а дочерей выдавали еще раньше. Родители Джамалутдина напомнили восемнадцатилетнему сыну, что ему пора обзавестись семьей. Собрался семейный совет, чтобы обсудить женитьбу Джамалутдина. Называли имена разных возможных невест. Наконец Джамалутдин сделал выбор сам, остановился на одной из своих родственниц. Решили послать сватов к невесте. Но в ночь перед назначенным днем Джамалутдин увидел странный сон. Как будто очутился он в доме своего устаза в Согратле. На веранде стояла дочка устаза, белолицая и черноволосая красавица, и то целовала, то облизывала поочередно свои руки.

– Что ты делаешь? – удивился Джамалутдин.

– Вот уже три года я слизываю капли воды, падающие на мои руки с твоих рук, когда ты умываешься, – ответила девушка.

Джамалутдин проснулся. Странный сон взволновал его, он так и не заснул до самого утра. Аварские женщины, даже девочки не показывались мужчинам, иначе, как с закрытым лицом. Потому ни жен, ни дочерей своего устаза Джамалутдин не видел в лицо. Они приносили кувшин с водой и тазик для умывания, но ни общаться, ни видаться с ними ему не доводилось. “Что бы это значило?” – подумал Джамалутдин и решил поехать в Согратль.

Поднялся он спозаранку и велел работнику оседлать коня. На шум вышла мать. Джамалутдин сказал ей, что должен по неотложному делу съездить к своему устазу и, чтобы подождали со сватовством до его возвращения. С отцом он не виделся, да и видаться с ним ему не хотелось, ибо отец всегда вникал в самую суть дела, пришлось бы Джамалутдину сказать о цели поездки, а мать без лишних вопросов довольствовалась тем, что ей скажет сам сын.

Дорога была дальняя, но хорошо ему знакомая, понимал он и аварскую речь, почти в каждом селении у него были кунаки. Но нигде не останавливался Джамалутдин и только при встрече с людьми просил передать привет своим знакомым.

С приближением к Согратлю Джамалутдин заметил, что им овладевает странное чувство то ли тревоги, то ли волнения. У ворот своего учителя он спрыгнул с коня, невольно поднял голову и увидел в окне лицо девушки, удивительно напоминающее то, что увидел во сне. Девушка мигом исчезла и больше не показалась.

Устаз был безмерно рад приезду Джамалутдина, не знал, чем его угостить, где его посадить и все повторял: “Говорил же я, что сегодня ко мне явится желанный гость!”

После традиционных распросов и угощения Джамалутдин объяснил устазу истинную цель приезда: рассказал свой сон.

– Это не вещий сон, это чертов сон! Когда ты находился у меня, дочь моя была еще ребенком, вряд ли она тебя вообще помнит. К тому же она уже засватана, скоро свадьба. Выдаем за родственника, хороший парень, хорошие люди...

– Один Аллах знает, кому, что суждено, учитель. Мы не можем изменить предначертанную нам судьбу, – сказал Джамалутдин. Тревожно у него прошла ночь, а утром, собираясь в обратный путь, Джамалутдин почувствовал, что ноги его отяжелели, а в душу снова закралась тревога. Вместо слов прощания Джамалутдин сказал:

– Отец, не могу я уехать обратно... Не хотят идти мои ноги, пока вы не спросите дочь свою, как она расположена ко мне.

Устаз подозвал свою жену и велел ей поговорить с дочкой. Ответ был неожиданный для родителей, но однозначный: “Если Джамалутдин согласен взять меня в жены, я не выйду за другого, даже если сам пророк придет меня сватать!”

– Все. Значит это воля Аллаха. Если она согласна, я тоже не женюсь на другой. А теперь я отправлюсь домой и улажу свои дела, – сказал Джамалутдин и, вытянув руки вперед, начал читать молитву. Вместе с ним молился и устаз.

Через несколько недель Джамалутдин женился на дочери своего устаза.

Шейх Магомед-Яраги

В те самые времена в селении Яраг Кюринского округа жил известный мусульманский шейх Магомед-Яраги (то есть Магомед из Ярага), проповедник и поклонник тариката. Была у шейха своя медресе, где обучались муталимы из разных концов Дагестана и Азербайджана. Шло тогда в Яраг много народу, кто за советом к шейху, кто за его помощью, другие – принять от него тарикат и стать его мюридами, распространять его учение у себя на родине.

Учение тариката требовало от мусульман строго придерживаться всех законов, предписанных верующим в Коране. Тарикатские шейхи в Дагестане проповедовали самый известный из четырех путей тариката – Накшубандийский, путь пророка Мухаммеда. Этот путь означает постоянное занятие лучшими молитвами, поминающими бога, искреннее раскаяние в грехах, просить прощение у обиженных, избавляться от всего, что противно богу: от дурных и низких поступков, рождаемых эгоизмом, избегать чревоугодия, лишнего сна и разговоров, прибегать в своих молитвах неуклонно следовать пути Мухаммеда, довольствоваться своим положением и своей судьбой. Накшубандийские шейхи собирали учеников и принимали от них обеты.

Тарикат вел беспощадную борьбу с проникновением в мусульманскую веру путей и обычаев другой веры. Потому и был шейх Магомед-Яраги противником принятия Аслан-ханом русского подданства, что грозило проникновением русских христианских обычаев в среду мусульман. Владетельному Аслан-хану в свою очередь не нравилось проповедование шейхом Магомедом в его ханстве учения тариката. Но хан не мог открыто бороться с Магомедом-Яраги, слишком популярен был шейх.

Однажды Аслан-хан был в Дербенте у генерала Ермолова, тот сделал ему серьезное замечание по поводу распространения тариката шейхом Магомедом-Яраги, велел найти средство, чтобы заставить шейха замолчать. На обратном пути Аслан-хан заехал в Касумкент и пригласил туда Магомеда-Яраги. Хан стал уговаривать шейха бросить проповедовать тарикат, но шейх не внял просьбе хана, ответил, что готов отдать за веру свою жизнь. Тогда хан приказал своим нукерам избить шейха кнутами.

В ту ночь Аслан-хан увидел странный сон. Во сне к нему явился его отец – Шахмардан-бек, очень сердитый на сына: отец велел тем же нукерам, что избili шейха, отхлестать Аслан-хана теми же кнутами. Проснулся Аслан-хан с болью во всем теле, вроде его действительно избili. Еле встал Аслан-хан, помолился и пошел искать шейха. Тот лежал у местного муллы. Хан стал просить у шейха прощения за вчерашнее избиение, оправдывался тем, что не смог послушаться генерала и поступил с шейхом безнравственно.

– Я-то прошу, если Аллах тебя простит, – ответил шейх еле слышно. Аслан-хан положил возле его постели кошелек с золотыми монетами и молча удалился.

До генерала дошло известие о случившемся в Касумкенте. Вскоре в Кумух явились русские офицеры, посланцы Ермолова. Аслан-хан велел Джамалутдину поехать к шейху Магомеду в Яраг привезти его в Кумух. Джамалутдин догадался о цели вызова шейха и отказался ехать. Но на второй день Джамалутдин сам пришел к хану и сказал, что согласен ехать, ибо эта дорога предвещает ему большую удачу. Джамалутдину никогда не приходилось бывать у шейха Магомеда и впервые ехал он в тот край. К вечеру, когда до Ярага оставалось езды примерно на один час, пошел проливной дождь.

В поисках убежища от дождя Джамалутдин увидел вдалеке шалаш пастуха, из него валил дым. Джамалутдин подошел к шалашу и увидел пастуха возле очага, на котором кипел котелок. Пастух был очень бедно одет.

– Ассалам алейкум! – обратился Джамалутдин.

– Ва алейкум ассалам! – ответил пастух и внимательно посмотрел на гостя.

– Примешь нуждающегося в крыше путника?

– Войди. Ты едешь за шейхом Магомедом-Яраги? – спросил пастух. Джамалутдин вздрогнул от неожиданности. – Я вижу, ты удивлен моим вопросом. Неделю тому назад шейх пригласил меня к себе и сказал, что ко мне зайдет человек, которого послал хан с негодными богу намерениями. Но шейх велел мне хорошо принять этого гостя, и еще сказал, что по воле аллаха гостю придется заночевать у меня, а утром я должен направить его к шейху. Уже вечер, а кроме тебя никто ко мне не заезжал, потому я и решил, что ты – тот самый гость, – сказал пастух.

– А что, все что скажет шейх Магомед-Яраги сбывается?

– Без сомнения! Но ты ошибаешься, если имеешь нехорошие мысли о шейхе. Он сразу разгадает тебя, – сказал пастух и стал поднимать рукав своей одежды, затем медленно сунул руку в жарко горевший огонь.

– Что ты делаешь?! – крикнул Джамалутдин.

Пастух молча вытащил руку из огня и показал Джамалутдину: руку не только не обожгло, не опалился даже ни один волосок на ней.

– Вот эту чудо-возможность дал мне шейх Магомед-Яраги! – сказал пастух, и тут Джамалутдин почувствовал странное ощущение в теле.

Ему показалось, что плеснули на макушку расплавленный свинец, и он, пройдя через все тело, вылился через пятки.

Пастух усадил его возле себя и собрался угощать. Джамалутдин раскрыл свои хурджины, вытащил хлеб с бараниной и сыром и угостил пастуха.

Совсем стемнело, но дождь лил, как из ведра.

– Если даже дождь перестанет, опасно на дороге после дождя, со скал падают камни, может и в голову путнику угодить, – сказал пастух, заметив, что Джамалутдину не терпится выйти в дорогу. Но необходимость здесь ночевать еще больше пугала Джамалутдина, ибо сбылось предсказание шейха.

Все же Джамалутдину пришлось остаться в шалаше на ночь, а утром пастух проводил его в Яраг. Здесь все знали, если едет гость, то наверняка к шейху, и сразу направляли к его дому. Так было и с Джамалутдином, а у него возникло такое ощущение, что все кругом о нем все знают.

Возле дома на лавочках и на камнях сидели люди, прибывшие на прием к шейху. Джамалутдин тоже сел. Но через некоторое время вышел молодой муталим и спросил, кто приехал от хана? Джамалутдин поднялся, немало удивленный, ибо он еще никому не говорил о себе.

– Тебя вызывает шейх, – сказал муталим и пропустил его вперед. Через довольно просторную, устланную паласами комнату, муталим провел Джамалутдина к маленькой, где сидел шейх. Муталим подошел к комнате шейха, поклонился и доложил о Джамалутдине. Затем с позволения шейха пропустил вперед гостя.

– Бисмиллахи Рахмани Рахим! Можно ли войти, есть ли для меня разрешение? – обратился Джамалутдин к шейху.

– Можно, сын мой, войди, – сказал негромко и весьма доброжелательно шейх. Джамалутдин вошел и встал так, чтобы не наступить на коврик, лежащий под ногами шейха, вместе с шейхом поднял руки и прочитал молитву. В конце молитвы, сказав аммин и опустившись на колени, Джамалутдин поцеловал колени шейха и встал. Таков был обряд встречи с шейхом. Джамалутдин забыл и о поручении хана, и о цели своего визита и сказал, что давно мечтал лицезреть шейха и потому совершил такой дальний путь, ибо он сам один из многочисленных поклонников его учения.

– Вчера у тебя были плохие мысли и плохие намерения, сегодня всемогущий Аллах направил тебя на верный путь, и ты избавился от них, – сказал шейх и стал беседовать с Джамалутдином. Когда шейх удостоверился в высокой грамотности Джамалутдина, знании языков и множества религиозных книг, он проникся к нему уважением. Когда Джамалутдин собрался уходить, шейх сказал:

– Садись возле меня, сын мой, не уходи, ты достоин того. Выслушай жалобы и нужды людей, приведших ко мне, постарайся войти в их душу, принять их горе и нужду к сердцу своему. Ты сумеешь помочь им и понять их, ты рожден для этого.

Джамалутдин сел рядом. Один за другим входили люди, прибывшие издалека за помощью и советом к шейху, делились своим горем и несчастьем. Никогда Джамалутдин не сталкивался так близко с людским горем и нуждой, перед ним открывался неведомый для него мир. Удивляло взаимопонимание, взаимослияния шейха и народа. Иногда шейх спрашивал посетителей, поправился ли такой-то больной в их селе, курит ли еще такой-то человек гяурскую махорку, не перестал ли их сельчанин пить водку, какую помощь оказали в этом году беднякам из мечети.

Шейх держал под контролем весь Дагестан. При беседе с посетителем иногда шейх обращался к Джамалутдину и спрашивал, чем и как можно помочь горю или нужде этому рабу Аллаха и, выслушав ответ Джамалутдина, говорил: “Воистину ты прав, сын мой, именно так и нужно помочь этому человеку”.

Джамалутдин, пробыв у Магомеда-Яраги неделю, стал собираться домой. Прощаясь, шейх сказал: “В тебе больше духовной силы и возможностей от Аллаха, чем во мне. Ты должен непременно стать на путь служения народу.

– Я готов, отец, сделать все то, что ты скажешь. Я готов идти по твоему пути, только помоги мне встать на него, – ответил Джамалутдин шейху Магомеду-Яраги. Он совсем забыл о поручении хана и больше не думал об этом. Шейх отдал Джамалутдину две книги, которые следовало выучить за два месяца, а потом явиться к нему.

– А о ханской службе не беспокойся, она для тебя кончилась. Ты больше не пойдешь к хану, и он уже не заставит тебя служить ему, теперь ты силен, – сказал шейх, угадав появившиеся у Джамалутдина мысли.

Чудеса Джамалутдина

Вернувшись в Кумух, Джамалутдин не явился к хану. Два дня ждал его хан, но затем послал за ним нукеров.

– Ты ездил с моим поручением, почему не пришел с отчетом, почему? – спросил удивленный хан.

– Да, мой высокий хан, я ездил по твоему поручению, но задание твое не выполнил. Такова была воля Аллаха!. А насчет службы... я больше у тебя не служу, я перешел на путь религии, до конца своей жизни буду служить ей, и моя единственная просьба к тебе: не мешай мне, – ответил Джамалутдин.

– Я удивлен твоим поступком. Опечален твоим поведением. Не ожидал – сказал хан, погрузнев, – Чем ты недоволен? В чем ты нуждаешься? Что тебя заставило принять такое решение? – посыпались один за другим его вопросы.

– Жалоб у меня нет. Я всем доволен, но больше служить у тебя не могу, – не сдавался Джамалутдин.

Очень расстроили Аслан-хана решение и поступок Джамалутдина, не хотелось ему терять такого грамотного работника, а его сближение с шейхом Магомедом-Яраги пугало хана. Хан велел Джамалутдину хорошо подумать обо всем и явиться к нему, при этом он не стал скрывать своего возмущения случившимся. Но Джамалутдин так и не явился к хану, не помогли ни советы, ни уговоры ближайших советников хана, а занялся изучением религиозных книг, полученных от шейха Магомеда-Яраги. Узнав, что Джамалутдин побывал у шейха Магомеда-Яраги, деятели мусульманской религии Казии-Кумухского ханства стали приходить к Джамалутдину и спрашивать о шейхе. Одобрив выбор пути Джамалутдином. Больше всех радовался этому отец его, Макабута.

Изучив книги, Джамалутдин отправился к шейху. На этот раз он пробыл в Яраге почти месяц. Уединяясь с ним в отдаленной, тихой комнате, шейх обучал его искусству являть чудо и предугадывать события, общаться с Богом, учил Джамалутдина управлять силой духа, вложенной в него самим Богом.

Приняв от шейха Магомеда-Яраги тарикат, Джамалутдин стал его мюридом. По учению тариката мюрид, принявший тарикат от шейха, должен стать его копией и приблизиться к шейху по степени любви к нему. Учение тариката гласит: “Ты введи шейха в свое сердце и водвори его там, и не выводи его оттуда, пока ты сам не сделаешься богознателем посредством его, потому что шейхи – суть источников Божьего вдохновения”. Через своего шейха мюрид созерцает Господа Бога, добывается не только внешнего, но и внутреннего уединения от окружающего мира по накшубандийскому тари-кату. Шейх доводит своего ученика до степени совершенства одним своим сообществом и открывает ему не только свет и красоту Все-вышнего, но и тайны постижения Бога.

Так Джамалутдин стал владеть всеми знаниями и тайнами чудодействия, которыми владел его шейх. Получив у Магомеда-Яраги звание шейха, Джамалутдин вернулся в Кумух, стал проповедовать накшубандийский тарикат.

Популярность шейха Джамалутдина росла, люди к нему шли со всех концов Дагестана, принимали у него тарикат, становились его мюридами. Джамалутдин открыл в Кумухе медресе, где обучал юношей. Муталимы боготворили шейха, молодой шейх был для них образцом человека и мусульманского шейха, они рассказывали кумухским парням о великой силе духа Джамалутдина, о его таланте являть чудеса.

В Кумухе рассказывают, как ровесники Джамалутдина, не доверяя рассказам его муталимов, решили проверить, на самом ли деле Джамалутдин способен творить чудеса. Друг дет-

ства Джамалутдина, по имени Лати, предложил друзьям пойти вместе с ним к Джамалутдину и своими глазами убедиться в таланте шейха.

Когда друзья пришли, Джамалутдин на веранде делал намаз, а жена его варила на очаге кукурузный хинкал. Джамалутдин обрадовался гостям и предложил войти в дом и спросил, смогут ли они подождать, пока он закончит свое моление.

– Нет, нет, мы не торопимся, мы просто хотели узнать у тебя, на самом ли деле шейх Магомед-Яраги может сунуть руку в огонь и не обжечься? – сказал Лати, как бы в шутку. Джамалутдин ничего не сказал, подошел к очагу, приподнял рукав и сунул в огонь руку, затем показал ее друзьям. Рука не только не обгорела, не опалился ни один волос на руке.

– Эту силу дал мне шейх Магомед-Яраги. Может ли человек отдать другому то, чего у него нет? – спросил Джамалутдин.

Пристыженные друзья собрались уходить, но Джамалутдин их остановил, сказал, что варится кукурузный хинкал и грешно уходить. Завел их в комнату...

Закончив свое моление, пришел к ним Джамалутдин. Тут жена его принесла на круглом деревянном подносе дымящийся хинкал. Джамалутдин пригласил друзей сесть и как-будто в шутку стал водить раскрытой ладонью над подносом, читая при этом шепотом какую-то молитву. Хинкалины стали прыгать, как лягушки, и друзьям они показались лягушками. Тут Джамалутдин отвел руку: хинкал перестал прыгать и принял первоначальное положение. Друзья не столько удивились, сколько испугались этого чуда. Шейх же улыбнулся и предложил им есть. Но гости не стали есть. Тогда Джамалутдин позвал жену и попросил подать гостям другое кушанье. За бузу и чурек с сыром гости уселись с удовольствием.

Шейх Джамалутдин и Аслан-хан

Аслан-хана испугала популярность шейха Джамалутдина. Если из-за Магомеда-Яраги он получил серьезное замечание от царского генерала, то за Джамалутдина, развернувшего деятельность у него под боком, он мог пострадать еще больше. Хан решил сначала по-хорошему поговорить с шейхом Джамалутдином, пригласил своих ближайших советников и послал нукеров за шейхом. Встретил его Аслан-хан с почтением, стал разговаривать с ним весьма доброжелательно. Не выдавая своего недовольства и как бы по-дружески советовал прекратить распространение тариката в его ханстве. Он обещал Джамалутдину любую материальную помощь, если он нуждается. Но шейх ответил:

– Я проповедник учения пророка Мухаммеда и раб Аллаха, и больше никому я не подвластен: В помощи не нуждаюсь, сам в состоянии помочь любому...

Через некоторое время прибывшие в Кумух царские офицеры потребовали расправы с шейхом, и Аслан-хан вынужден был согласиться. Хан послал за шейхом и тем временем подготовил подвыпивших нукеров для расправы с ним. По сигналу хана они должны, были кинуться на шейха.

Нукеры вернулись одни, сказали, что шейх провожает гостей, прибывших к нему из Дженгутая, обещал подойти попозже. Через некоторое время Аслан-хан увидел из окна шейха Джамалутдина вдаль. Он шел спокойно и величественно, держа в руках серебряный жезл, подаренный ему в Согратле. При виде шейха кланялись ему даже придворные хана, а шейх легким кивком головы отвечал на их поклон. Близился вечер, почти стемнело.

Войдя в ханский двор, Джамалутдин не стал подниматься по лестнице на второй этаж, стал стучать жезлом о каменные плиты, которыми был устлан ханский двор. Как выстрел прозвучал этот стук в ушах хана. Он осторожно выглянул и увидел шейха, стоящего во дворе. Пальцы его правой руки, в которой он держал жезл, сияли как свечи, и от этого сияния осветилось все лицо шейха. Раздался голос шейха, требовавшего доложить о его приходе. Тревога и волнение объяли Аслан-хана, он не мог говорить и руки у него тряслись. Между тем нукеры ждали сигнала к расправе. Но вместо сигнала поступило повеление хана: отошлите шейха, скажите ему, что надобность в нем отпала.

Все были удивлены, удивился и сам шейх. Когда он вышел со двора, увидел множество людей, молча и тревожно стоявших возле ханского дворца. Понял Джамалутдин, что ему угрожала опасность.

Когда же русские офицеры и подвыпившие нукеры стали упрекать хана в нерешительности, он ответил, что бессилён был даже двинуться и предпринять что-либо против шейха. Сам Аллах вмешался предотвратил убийство.

Возможно все так и было, а возможно, что Аслан-хан был все же самым сердобольным и миролюбивым. В течение двадцати лет своего правления он не допустил ни одной кровопролитной войны, берег народ и страну. Чтобы уберечь свой народ и землю, он принял и подданство русского царя. Дорожил миром и спокойствием как мог, а если же противостоял тарикатским шейхам, то и это делал ради спасения людей от кровопролития, чтобы не допустить газават.

Рассказывают, что имамы газавата Гази-Магомед и Шамиль хотели познакомиться с шейхом Джамалутдином и взять у него разрешение на священную войну. Сначала появился в Кумухе по своим делам Гази-Магомед и решил зайти к шейху. Причем в Кумухе не знали, кто он такой. Гази-Магомед вместе с товарищем договорились не сообщать о себе шейху и пойти к нему как обыкновенные прихожане. Когда вошли в дом, Гази-Магомед послал вперед своего попутчикам сам присел перед комнатой шейха, ожидая пока выйдет попутчик.

Шейх Джамалутдин принял гостя, посмотрел на него внимательно и спросил, что его привело к нему. Гость ответил, что хотел бы принять от него тарикат и стать его мюридом.

– Нет у тебя никакой надобности ко мне, вон, в той комнате сидит человек, который пришел ко мне, пригласи его сюда, – громко сказал шейх.

Не ожидавший такого оборота, Гази-Магомед даже вздрогнул от удивления. Он невольно встал и медленно направился в комнату шейха.

– Зайди, Гази-Магомед, – твое место не там, а здесь, возле меня, – доброжелательно сказал Джамалутдин.

Гази-Магомед прочитал молитву, поклонился шейху, а затем спросил, откуда шейху известно его имя.

– Это вовсе нетрудно узнать, – сказал шейх и обратился к его спутнику:

– Ты говоришь, что пришел принять у меня тарикат, стать моим мюридом. Заслуживаешь ли ты этого? Прежде, чем явиться ко мне, ты должен был сходить к отцу своему, с которым ты в ссоре вот уже три года. Из-за пустяка ты крепко обидел своего отца и с тех пор ни разу не вспомнил о том, что тебе надо попросить у него прощения. За это время было много праздников и много случаев, по поводу которых тебе следовало бы зайти к своему отцу. Иди! Сначала сходи к отцу своему, скажи, что бог тебя простил и он пусть тоже тебя простит.

Пристыженный гость молча удалился. Гази-Магомед, не знавший о своем попутчике таких подробностей, был смущен.

Шейх Джамалутдин обычно со всеми гостями разговаривал на их родных языках, ибо множеством из них он владел в совершенстве. С Гази-Магомедом шейх разговаривал на его родном – аварском языке.

Гази-Магомед был известным по тем временам арабистом и шейх Джамалутдин знал о нем. Встреча двух алимов оказалась плодотворной, Гази-Магомеда радовала и эта встреча, и знакомство. В следующий раз Гази-Магомед приехал к шейху с Шамилем, и они стали большими друзьями.

Новые знакомства шейха еще больше настораживали хана. Ни для кого не было секретом, что Гази-Магомед и Шамиль проповедуют газават с русскими, неудивительно, что встревожились и русские офицеры, проживающие в Кумухской крепости. Они потребовали у хана, чтобы он расправился с шейхом Джамалутдином, обвинив его в шарлатанстве. Аслан-хану пришлось согласиться. Чтобы предъявить шейху это обвинение, он пригласил его к себе. Во дворе хана находилось много придворных и русских офицеров, ожидавших шейха.

Был солнечный летний день. Весть о том, что шейха Джамалутдина вызывают к хану на расправу, мгновенно облетела Кумух. Не успел шейх еще и выйти за ворота, как люди высыпали на улицу, вышли на веранды и поднялись на крыши домов. Обычно, когда хан посылал нукера за кем-нибудь, нукер непременно возвращался вместе с ним. Но с шейхом Джамалутдином поступали иначе: нукеры передавали шейху приказ хана через муталимов или его домашних, а сами немедленно уходили. Шейх никогда не подводил и являлся вовремя.

Как всегда, в черной опрятной одежде, с жезлом в руках направлялся шейх к ханскому дворцу. Люди провожали его сочувственными взглядами и читали вслед ему молитвы. О том, что шейх идет во дворец, хану уже сообщили. И волнение охватило хана. При появлении шейха все придворные поклонились ему, не смог поступить иначе и Аслан-хан, а вслед за ним поклонились и русские офицеры.

Аслан-хан передал шейху претензии русских офицеров на то, что мол, шейх обманывает и вводит в заблуждение народ. Они его подозревают в шарлатанстве и потому шейху необходимо в присутствии этих офицеров опровергнуть обвинение. В противном случае шейха ожидает наказание. Вас не столько волнует народ, ибо вы не заступники народа, сколько ищите повода расправиться со мной, – сказал Джамалутдин, – но учтите, кто умирает за веру, за Аллаха, того во веки веков не забывают, и в земле он не тлеет. Четырнадцать поколений тому

назад, когда язычники завоевали Кумух, начальнику вражеских войск очень понравилась красавица из Кумуха. Девушка была мусульманкой и это не позволяло вражескому начальнику жениться на ней, пока она не примет языческую веру. Девушка не соглашалась. Тогда заперли ее в хлеву, решили одолеть голодом и жаждой. Но ничего не вышло. Затем повелитель язычников решил взять ее испугом. Поставили ее на холм и стали пускать в нее стрелы, но так, чтобы раны были не опасные. Ноги и руки девушки истекали кровью, но она была неумолима. Рассвирепевший начальник приказал убить ее. Несколькими стрелами в грудь девушка была убита. Под тем же холмом и похоронили ее. Пойдемте, я покажу вам это чудо, только дайте мне нескольких работников с лопатами и кирками.

Шейх Джамалутдин вышел из ханского двора в сопровождении придворных и русских офицеров. Пришли они на площадку под горкой, куда сельчане обычно вывозили мусор. Шейх указал жезлом на одну из куч мусора и велел убрать ее. Затем на месте этой кучи начертил жезлом четырехугольник и велел копать здесь до глубины пяти локтей.

Никто и не верил всерьез, что здесь, где не было никаких следов могил, мог быть похоронен человек. Стали копать и обнаружили могилу. Прежде чем раскрыть могилу, шейх Джамалутдин велел позвать Аслан-хана. Хан с нукерами явился и шейх велел поднять надгробные плиты. И под ними все увидели тело девушки с ясным лицом. Глядя на нее – казалось, будто вчера ее похоронили. Одежда ее и все покровы превратились в тлен, а на груди ясно были видны следы стрел. При виде этого чуда остолбенели офицеры, а хану стало плохо, и нукеры на руках понесли его домой. Когда хан пришел в себя, все повторял: “Оставьте шутки с шейхом Джамалутдином! Оставьте шутки с шейхом Джамалутдином!”

В тот же вечер жена Аслан-хана Умукусюм-бике явилась к шейху и слезно его молила простить мужа за действия неугодные Аллаху и шейху, стала оправдывать мужа, что в его действиях нет его вины. Она также просила шейха оставить Кумух и перебраться в другое, более спокойное место, ибо тут царские офицеры будут беспокоить и шейха, и хана. Уходя, Умукусюм-бике оставила шейху кошелек с золотыми монетами, чтобы он раздал их своим бедным муталимам.

Газават

В своем доме, в своем очаге шейх Джамалутдин уже не мог спокойно жить и работать. Утомляли преследования и придирки хана и царских офицеров. Было у него в Кумухе много родных, много друзей, были преданные ему и тарикату муталимы, а еще очень большая и богатая библиотека. Без всего, что его окружало, он не мыслил себе полноценной жизни. Но судьба вынуждала шейха покинуть родные места. Таким местом, по его мнению, был Цудахар, ибо цудахарцы были тогда вольными людьми и никому не подчинялись. Так шейх Джамалутдин покинул свое обжитое гнездо и перебрался в Цудахар.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.